

Бертольд Брехт Допрос Лукулла

Радиопьеса

В сотрудничестве с М. Штеффин

Перевод В. Нейштадта

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лукулл - римский полководец.

Ведущий.

Судья

Учитель |

Куртизанка |

Пекарь } присяжные.

Торговка рыбой |

Крестьянин |

Король |

Королева |

Две девушки с доской |

Два раба с золотым богом } фигуры фриза.

Два легионера |

Повар Лукулла |

Раб с вишневым деревом |

Беззвучный голос.

Старуха.

Тройственный голос.

Две тени.

Глашатай.

Две девушки.

Два купца.

Две женщины.

Два плебея.

Возница.

Хор солдат.

Хор рабов.

Хор школьников.

1

Погребальная процессия

Слышен шум большой толпы.

Глашатай.

Слушайте все! Умер великий Лукулл!

Полководец, который завоевал Восток,

Сверг семерых королей,

Наполнил богатством наш Рим.

Перед его катафалком,

Который несут солдаты,

Шествуют виднейшие мужи могучего Рима,

Закрывши лица свои, а рядом

Идут: философ его, адвокат и любимейший

конь.

Хор солдат, несущих катафалк.

Крепко держите его, держите высоко на плечах!

Чтоб не качнулся он перед тысячами глаз.

Он, владыка восточных земель,
Отправляется в царство теней!
Потому осторожней, эй, вы, не споткнитесь!
То, что несете вы, - железо и плоть
Подчиняло себе весь мир.
Глашатай.
За ним тянут гигантский фриз,
На котором изображены дела его,
Он украсит его могилу.
И еще раз
Будет дивиться народ его чудесной жизни,
Исполненной побед и завоеваний,
И вспоминать о его триумфе.
Голоса.
Помните о непобедимом, помните о могучем!
Помните, как дрожали обе Азии!
Помните о любимце богов и Рима!
Помните, как проезжал он по городу
На золотой колеснице,
Гоня заморских владык и заморских зверей
Слонов, верблюдов, пантер.
Помните, как тянулись за ним
Вереницы карет с пленными дамами,
Повозки с добром, звенящие утварью,
С картинами и сосудами,
С драгоценной слоновой костью,

С целым Коринфом медных статуй.
Помните, как волокли все это
Сквозь бушующее море людей!
О, что за картина!
Помните, как бросал он монетки детям!
А вам раздавал вино и колбасы,
Когда проезжал он на золотой колеснице
По городу.
Он, непобедимый, он, могучий,
Он, гроза обеих Азии,
Любимец богов и Рима!
Хор рабов, которые тащат фриз.
Осторожно, эй, вы, не споткнитесь!
Эй, вы! Вы тащите фриз, на котором изображен
триумф,
И если даже пот зальет вам глаза,
Не выпускайте камень из рук!
Подумайте, если он выскользнет,
Он рассыплется в прах.
Молодая девушка.
Взгляни на того, в красном шлеме!
Другая девушка.
Косоглазый.
Первый купец.
Все сенаторы!
Второй купец.

И все портные!

Первый купец.

Подумать только: он добрался до Индии!

Второй купец.

Но к тому времени,

Увы, уже выдохся.

Первый купец.

Помпей перед ним щенок!

Рим без него бы погиб.

Какие победы!

Второй купец.

Везло!

Первая женщина.

Никакой шумихой

Не вернуть мне

Моего сына Реуса,

Погибшего в Азии.

Первый купец.

А кое-кто

Благодаря ему

Сколотил себе состояньице.

Вторая женщина.

Племянник мой тоже не вернулся домой.

Первый купец.

Все знают, сколько принес он Риму

Одной только славы!

Первая женщина.

Если б они так не ввали,

Никто б не попался к ним на крючок.

Первый купец.

Героизм,

К сожалению, вымирает.

Первый плебей.

Когда наконец

Избавят нас от болтовни о славе?

Второй плебей.

В Каппадокии три легиона

Как корова слизала.

Возница.

Не проеду ль

Я здесь?

Вторая женщина.

Нет, здесь закрыто.

Первый плебей.

Когда мы хороним наших полководцев,

Воловьим упряжкам

Полагается ждать.

Вторая женщина.

А моего Пульхра они потянули в суд:

Не заплатил налогов.

Первый купец.

Можно сказать,

Что Азией мы без него не владели б!

Первая женщина.

Говорят, рыба опять вздорожала.

Вторая женщина.

И сыр!

Крики толпы все громче.

Глашатай.

Сейчас

Они проходят под триумфальной аркой,

Которую город воздвиг

Своему великому сыну.

Женщины поднимают повыше детей.

Конники оттесняют зрителей.

Улица позади шествия опустела.

В последний раз

Прошел по ней великий Лукулл.

Шум толпы и топот ног стихают.

2

Быстрый конец и возвращение будней.

Глашатай.

Процессия скрылась. Вот

Улица вновь заполняется народом.

Из забитых до отказа переулков

Возницы гонят воловьи упряжки. Толпа,

Перекидываясь словами,

Возвращается к своим делам.

Трудолюбивый Рим

Вновь приступает к работе.

3

Хрестоматия.

Хор школьников.

В хрестоматиях

Пропечатаны имена

Великих полководцев.

Кто хочет стать таким же,

Тот заучивает наизусть их дела,

Изучает их славную жизнь.

Нам предназначено

Идти по их стопам,

Подняться над толпой. Наш город

Горит желаньем вписать,

Когда придет время, и наши имена

В скрижали бессмертных.

Учитель Секст завоюет Понт.

А ты, Флакк, захватишь три Галлии.

Ты же, Квинтилиан,

Шагнешь через Альпы!

4

Погребение.

Глашатай.

Там, на Аппиевой дороге,

Высится небольшая постройка,

Возведенная десять лет назад
Для упокоения праха великого.
Впереди идет кучка рабов,
Несущая фриз триумфа. А потом
Он сам внесен будет за ограду,
Вокруг которой пророс самшит.
Беззвучный голос.
Солдаты! Стой!
Глашатай.
Это слышится голос
Из-за стены.
Теперь повелевает он.
Беззвучный голос.
Опрокинуть катафалк! В эти стены
Никого не вносят. В эти стены
Каждый входит сам.
Глашатай.
Солдаты опрокидывают катафалк.
Полководец стал теперь на ноги,
Чуть-чуть пошатываясь.
Его философ хочет к нему подойти,
Готовый изречь мудрое слово. Но...
Беззвучный голос.
Назад, философ! В этих стенах
Ты никого не одурманишь болтовней.
Глашатай.

Так говорит повелевающий голос, и
Тогда выступает адвокат,
Чтоб заявить протест.
Беззвучный голос.
Отказано.
Глашатай.
Так говорит повелевающий голос,
И он говорит полководцу:
Беззвучный голос.
Войди в дверь!
Глашатай.
И подходит к дверце полководец.
Вот остановился, оглянулся,
Глянул на солдат суровым оком,
На рабов, несущих фриз триумфа.
На самшит зеленый поглядел он.
Медлит он. А дверь открыта,
И врывается снаружи ветер.
Сильный порыв ветра.
Беззвучный голос.
Шлем сними! У нас двери низки.
Глашатай.
И снимает шлем свой полководец.
Входит в дверь, согнувшись. А солдаты
Выбегают радостно из склепа,
Хохоча и весело болтая.

5

Прощание живых с мертвым.

Хор солдат.

Прощай, Лакалл!

Мы в расчете, старый козел.

Прочь отсюда!

Пошли-ка, ребята,

Слава славой,

Но надобно жить...

У доков внизу

Есть трактирчик.

Где можно хватить.

Ты с нами?

Иду!

А кто платит

За вино и еду?

Запишут.

А ты чему рад?

Я на площадь бегу.

Угу!

К черноглазой плутовке?

Ловко!

По трое в ряд!

Вы рехнулись?

Она не примет

Такой отряд.

Ну, двинем тогда

На собачьи бега.

Нет,

Плата входная там дорога.

По знакомству пройдем.

Я иду.

Ну, идем.

Вольно!

Марш!

б

Прием.

Беззвучный голос - это голос привратника царства теней.

Теперь рассказ ведет он.

Беззвучный голос.

С тех пор как новенький вошел,

Он стоит неподвижно,

Шлем под мышкой,

У двери,

Как статуя самого себя.

Все другие, недавно прибывшие,

На скамье притулились и ждут,

Как ждали они когда-то множество раз

И счастья и смерти.

Ждали в трактире, пока подадут им вино,

У колодца, пока подойдет девчонка,

В роще, пока подадут им к бою сигнал.

А новенький, видимо, не научился ждать.

Лукулл.

Клянусь Юпитером,

Что это значит? Я стою здесь и жду.

Еще полнится величайший город земли

Отзвуком печали по мне, а здесь

Нет никого, кто бы принял меня.

Перед моим шатром

Семь королей ждали меня.

Что же нет здесь порядка?

Где тут хотя бы мой повар Лаз?

Вот мастер, который умел

Из воздуха, из ничего неплохое состряпать

блюдо!

Могли хотя бы послать его

Мне навстречу - он тоже ведь здесь.

А я бы чувствовал себя поуютней. - О, Лаз!

Как ты готовил баранину с лавровым листом.

Каппадокийская дичь! Омары с теплого Понта!

О, фригийские пироги с земляникой!

Молчание.

Приказываю увести меня отсюда.

Молчание.

Мне стоять здесь, с этой чернью?

Молчание.

Я протестую! Двести судов,

Обшитых железом, пять легионов
Мчались вперед, повинуюсь
Движенью моего мизинца.
Я протестую.
Молчание.
Беззвучный голос.
Ответа нет, но на скамье ожидающих
Заговорила старуха.
Голос ожидающей старухи.
Присядь, новичок.
На тебе так много железа
Тяжелый шлем и тяжелый щит,
Ты, наверно, устал.
Лукулл молчит.
Не упрямясь. Ты не выстоишь
Столько, сколько тебе придется здесь ждать,
А ведь я впереди тебя.
Сколько времени длится допрос там,
Сказать я тебе не могу.
Но ведь понятно, что каждого надо
Строго проверить до того, как решить,
Куда его послать: в мрачный Аид
Или в горние поля.
Иногда, конечно, проверка бывает
Очень короткой. Судьям достаточно взгляда.
Вот этот, они говорят,

Вел безгрешную жизнь и старался
Быть людям полезным, а для них
Нет ничего важнее, чем это.
И такому они говорят: пожалуйста,
Иди отдыхай. Но, конечно,
Иным ведется допрос по нескольку дней,
Особенно тем, кто сами послали
Сюда, в царство теней, человека
До истечения положенного срока.
Ну, на того, который сейчас там,
Времени вряд ли много пойдет:
Пекарь как пекарь, зла не творил.
Вот о себе я чуть-чуть беспокоюсь, однако
Надеюсь на то, что среди присяжных,
Как я слышала, люда простые,
Которые сами знают, как тяжело
Нам живется в военные времена.
Мой совет тебе, новенький...
Тройственный голос (прерывая).
Тертуллия!
Старуха.
Меня зовут.
Желаю тебе выдержать испытанье,
Новенький.
Беззвучный голос.
Он упрямо стоял у двери,

Но тяжесть его регалий,
Его собственный рев
И дружелюбные речи старухи
Заставили его передумать.
Он озирается - верно ли, что он один?
И вот он идет к скамье.
Но он не успел присесть
Его позвали. Судьям достаточно было
Только взглянуть на старуху.
Тройственный голос.
Лакалл!
Лукулл.
Мое имя - Лукулл. Разве здесь
Оно никому не известно?
Я из знаменитого рода
Государственных мужей и полководцев.
Только в предместьях и доках,
В солдатских харчевнях
Неумытая чернь и людские отбросы
Называют меня - Лакалл.
Тройственный голос.
Лакалл!
Беззвучный голос.
Так, многократно окликнутый
Кличкой, данной ему в презренных предместьях,
Лукулл, полководец,

Покоривший Восток,
Свергший семерых королей,
Наполнивший город Рим богатством,
Рапортует о своем прибытии
Верховному суду царства теней
В час вечерний, когда Рим
Садится ужинать над своими могилами.

7

Выбор защитника.
Ведущий.
Перед верховным судом царства теней
Предстал полководец Лакалл,
Называющий себя Лукуллом.
Председательствует судья царства мертвых,
Следствие ведут пять присяжных:
Один - некогда крестьянин,
Один - некогда раб, учитель,
Одна - некогда торговка рыбой,
Один - некогда пекарь,
Одна - некогда куртизанка.
У них нет рук, чтобы брать,
Нет уст, чтобы есть,
Нечувствительны к блеску давно погасшие очи.
Неподкупны они, предки грядущих потомков.
Судья приступает к допросу.
Судья.

Тень, ты подлежишь допросу.

Ты должна дать ответ о жизни своей среди
людей.

Была ль ты полезна им иль приносила вред?
Захотят ли принять тебя в полях Елисейских?

Тебе нужен защитник.

Есть у тебя защитник в полях Елисейских?

Лукулл.

Я ходатайствую, чтобы вызван был Александр

Македонский,

Дабы он выступил перед вами экспертом

По таким деяниям, как мои.

Тройственный голос (вызывает с полей Елисейских).

Александр Македонский!

Молчание.

Ведущий.

Вызванный эксперт не отвечает.

Тройственный голос.

В полях Елисейских

Александра Македонского нет.

Судья.

Тень, названный тобою эксперт

Неизвестен в полях Елисейских.

Лукулл.

Что? Он, покоривший всю Азию вплоть до Инда.

Незабвенный,

Поправший шар земной пятою своею,
Могущественный Александр...
Судья.
Здесь неизвестен.
Молчание.
Несчастный! Знай, имена великих
Не вызывают здесь страха.
Здесь
Их угрозы бессильны. Их речи
Ложью считаются здесь. Их деяния
Не восхваляют. Слава их
Для нас словно дым, который вешает,
Что огонь уже отбушевал.
Тень, твое поведение
Говорит о том, что дела большого размаха
Связаны с именем твоим.
Но эти дела
Здесь неизвестны.
Лукулл.
Тогда я ходатайствую,
Чтобы принесен был сюда
Фриз, предназначенный для моего надгробия,
На котором представлен триумф моей жизни.
Да, но как же
Доставить его сюда? Его тащат рабы.
А живым ведь

Вход сюда воспрещен.

Судья.

Но не рабам. Их

Очень мало что отличает от мертвых.

О них можно сказать,

Что едва лишь живы они. И для них

Шаг из горнего мира вниз

В царство теней, очень мал.

Пусть принесут фриз.

8

Доставка фриза.

Беззвучный голос.

Все еще ждут его рабы

У стены, не зная,

Что делать им с фризом. И вдруг

Сквозь стену слышится голос.

Ведущий.

Сюда!

Беззвучный голос.

И они, одним этим словом

Обращенные в тени,

Тащат ношу свою

Сквозь стену, обросшую самшитом.

Хор рабов.

Так из жизни прямо в смерть

Тащим ношу мы без колебаний.

Наше время уж давно не наше,
И не знали мы, куда идем.
Вот позвал нас новый голос,
И покорно мы на зов идем.
Ни к чему вопросы, если
Ничего нет позади,
Ничего не ждем мы впереди.
Ведущий.
И так они идут сквозь стену,
Ибо их ничто не задерживает,
Не задерживает и эта стена.
И они опускают свою ношу
Пред верховным судом царства теней
Тот самый фриз триумфа.
Осмотрите его, присяжные:
Вот плененный король с печальным взором,
Чужеземная королева с пышными бедрами,
Человек, несущий вишневое дерево, с вишней
во рту,
Бог золотой, очень толстый, несомый двумя
рабами,
Две девицы с доской, на которой названья
пятидесяти трех городов,
Один легионер на ногах, а другой
Легионер умирающий, он приветствует своего
полководца,

И повар с рыбой в руках.

Судья.

Это твои свидетели, тень?

Лукулл.

Да. Но как

Заставить их говорить?

Они ведь камни, немые они.

Судья.

Не для нас. Они обретут речь.

Готовы ли вы, каменные тени,

Дать свои показания здесь?

Хор фигур с фриза.

Мы, которым назначено быть на свету,

Окаменевшие тени поверженных жертв,

Мы, которым назначено там, наверху,

Говорить и молчать, победителя волей

Назначены мы представлять побежденных.

Жизни лишенных, замолкших, забытых,

И говорить и молчать мы готовы.

Судья.

Тень, свидетели твоего величья

Готовы дать свои наказания.

9

Допрос.

Ведущий.

И вот полководец подходит и

Указывает на короля.

Лукулл.

Это один из тех, кого победил я.

В несколько дней между новолунием и полной
луной

Я разбил его рать со всеми боевыми

колесницами,

Со всеми в броню закованными всадниками.

В эти несколько дней

Королевство его развалилось,

Как хижина, в которую грянула молния.

Едва я появился у его границ,

Он пустился в бегство,

И за несколько дней войны

Мы оба достигли противоположной границы.

И так короток был поход, что окорок,

Который мой повар повесил коптиться в начале

похода,

Не прокоптился еще, когда я вернулся.

И это из семи королей, которых разбил я,

Только один.

Судья.

Так ли это, король?

Король.

Да, это так.

Судья.

Есть вопросы у вас, присяжные?

Ведущий.

И тень, что когда-то была рабом-учителем,

Наклоняется мрачно вперед и вопрос задает:

Учитель.

А как это произошло?

Король.

Как он сказал: он напал на нас.

Крестьянин, накладывавший воз сена,

Еще не успел опустить поднятые вилы,

Как телегу его, едва нагруженную,

Уже укатили.

Еще каравай не испекся у пекаря,

Как жадные руки схватили его.

Все, что о молнии он вам сказал,

Которая грянула в хижину, - правда. Хижина

Разнесена. Вот

Стоит молния.

Учитель.

И ты из семи...

Король.

Лишь один.

Ведущий.

Присяжные обдумывают

Показания короля.

Молчание.

Ведущий.

И тень, что некогда была куртизанкой,

Вопрос задает:

Куртизанка.

А ты, королева,

Как ты попала сюда?

Королева.

Шла я в Таврии своей

Поутру купаться,

Вдруг с высокого холма,

Где росли оливы,

Пятьдесят сошло мужчин

И меня схватили.

Ведь оружием в тот миг

Губка мне служила,

А прозрачная вода

Мне была укрытьем.

Только латы у солдат

Честь мою спасали,

Но недолго - мигом все

Латы снимали.

В страхе оглянулась я,

Кликнула служанок,

Но служанки все мои

В ужасе кричали:

За кустами в этот миг

Их уже терзали.

Куртизанка.

Для чего же ты включена в этот фриз?

Королева.

Чтобы победу его увенчать.

Куртизанка.

Победу? Над кем? Над тобой?

Королева.

И над Таврией прекрасной.

Куртизанка.

Что же он зовет триумфом?

Королева.

То, что мой супруг король

Со своим несметным войском

Защитить меня не мог

От чудовищного Рима.

Куртизанка.

Жребий выпал нам один:

От чудовищного Рима

Не спасла меня, сестра,

Мощь чудовищного Рима.

Ведущий.

Присяжные обдумывают

Показания королевы.

Молчание.

И судья обращается вновь

К полководцу.

Судья.

Тень, желаешь ли ты продолжать?

Лукулл.

Да, желаю. Я слышу

У побежденных - медовый голос. Однако

Когда-то он был поглубже. Вот этот король,

Который внушает вам жалость, - там, наверху,

Был жесточе других. Налоги и подати

Сбирал не меньшие, чем я. Города,

Которые я взял у него,

Ничего не потеряли, лишившись его,

А Рим

Приобрел пятьдесят три города благодаря мне.

Две девушки с доской.

С улицами, домами, людьми,

С храмами и водопроводом

Красовались мы на земле, а ныне

Красуются лишь имена

На этой доске.

Ведущий.

И присяжный, бывший некогда пекарем,

Наклоняется мрачно вперед и задает вопрос:

Пекарь.

Что же причиной тому?

Две девушки с доской.

В жаркий полдень вдруг раздался гул,
Понеслась по улицам река
Человеческий поток, и он
Все ломал, сносил. А ввечеру
Черный дыма столб лишь говорил,
Что когда-то город там стоял.
Пекарь.
Что же тогда
Он увез, тот, который реку наслал
И который нам говорит,
Что Риму он пятьдесят три города дал?
Ведущий.
И рабы, несущие золотого бога,
Задрожав, начинают кричать:
Рабы.
Нас.
Когда-то мы были счастливы. Ныне
Мы дешевле волов,
И мы тащим добычу, сами добыча.
Две девушки с доской.
А когда-то - строители
Тех пятидесяти трех городов, от которых
Ныне осталось лишь имя и дым.
Лукулл.
Да, я угнал их. Их было
Триста тысяч - когда-то врагов,

А ныне уже не врагов.

Рабы.

Когда-то людей, а ныне уже не людей.

Лукулл.

И с ними я вывез их бога,

Чтобы наших богов шар земной

Выше других богов почитал.

Рабы.

И бог был принят радушно,

Ибо сплошь золотой он был и весил

Два центнера. Да и каждый из нас

Стоит кусок золота в палец.

Ведущий.

И присяжный, некогда бывший пекарем

В Марсилии - городе, лежащем у моря,

Вносит предложение:

Пекарь.

Итак, мы запишем, тень, в твою пользу

Просто и ясно: золото Риму принес.

Ведущий.

Присяжные обдумывают

Показания городов.

Молчание.

Судья.

Ответчик, видно, устал.

Объявлен перерыв.

10

Рим - еще раз.

Ведущий.

И судьи уходят.

Ответчик садится,

Прислонившись головой к косяку.

Он очень устал, но невольно

Внимает он разговору за дверью,

Где собрались уже новые тени.

Первая тень.

Я пострадал от воловьей упряжки.

Лукулл (тихо).

Воловья упряжка.

Первая тень.

Она была гружена песком для постройки.

Лукулл (тихо).

Постройка. Песок.

Другая тень.

А сейчас не время обеда?

Первая тень.

Время обеда? Хлеб и лук

Были всегда со мной. У меня ведь

Нет больше дома. Толпы рабов,

Которых гонят они отовсюду,

Разорили башмачное дело.

Вторая тень.

Я тоже был раб. Скажем так:

Счастливые через несчастных

Впадают в несчастье.

Лукулл (несколько громче).

Эй, вы там, дует ли ветер еще наверху?

Вторая тень.

Слышишь, кто-то о чем-то спросил нас.

Первая тень (громко).

Дует ли ветер еще наверху? Быть может.

Возможно, в садах.

Ну а в улицах затхлых

Его никогда не бывает.

11

Допрос продолжается.

Ведущий.

Возвращается суд.

Начинается снова допрос,

И тень, что некогда рыбной торговкой была.

Вопрос задает:

Торговка.

Тут о золоте шел разговор.

Я тоже в Риме жила,

Но золота я никогда и следа не видала,

Так где же оно было,

Нельзя ли узнать?

Лукулл.

Странный вопрос!

Разве мне и моим легионам

Нужно было идти в поход,

Чтобы рыбной торговке

Новый добыть ларек?

Торговка.

Нам на рынок ты ничего не давал,

А вот с рынка себе ты брал кое-что

Наших сынов.

Ведущий.

И она обращается к воинам,

Вылепленным на фризе:

Торговка.

Скажите, что делал он с вами

В обеих Азиях?

Первый легионер.

Я спасся.

Второй легионер.

Я был ранен.

Первый легионер.

Я потащил его на себе.

Второй легионер.

Из-за этого погиб и он.

Торговка.

Почему ты покинул Рим?

Первый легионер.

Потому что я голодал.

Торговка.

А что ты добыл там?

Второй легионер.

Ничего я себе не добыл.

Торговка.

На фризе ты протянул руку.

Это что? Приветствие полководцу?

Второй легионер.

Нет, этим я хотел показать,

Что рука у меня еще пуста.

Лукулл.

Заявляю протест.

Я награждал легионеров

После каждого похода.

Торговка.

Только не павших.

Лукулл.

Заявляю протест.

Как может судить о войне

Тот, кто ее не понимает?

Торговка.

Я понимаю все. Мой сын

Погиб на войне.

Я торговала рыбой на рынке у Форума.

Вдруг мне сказали, что корабли

Вернувшихся с азиатской войны
Вошли в гавань. - И я побежала с рынка
И много часов простояла у Тибра,
Там, где на лодках
Перевозили солдат с кораблей.
К вечеру все корабли опустели,
Ни с одного из них сын не сошел мой.
Так как в гавани был сквозняк,
Ночью свалилась я в лихорадке,
И в бреду я сына искала, и чем дольше искала,
Тем сильнее тряс меня озноб;
И я умерла, и пришла я
Сюда, в царство теней, и сына искать
продолжала.
Фабр, кликала я, ведь так его звали,
Фабр, сын мой Фабр,
Которого я носила и которого я вскормила,
Сын мой Фабр!
И я металась среди теней,
Бежала мимо теней к теням,
Фабра звала, пока мне привратник
Из лагеря павших в походе
Не сказал, потянув за рукав:
Старая, много здесь Фабров. Многие
Так же, как ты, искали своих сыновей,
Но они позабыли свои имена.

Имена ведь нужны, чтоб внести их в солдатские
списки.

Здесь они ни к чему. Матерей же

Видеть они не хотят, рассердившись,

Зачем они их на войну отпустили, на гибель.

Фабр, сын мой Фабр,

Которого я носила и которого я вскормила,

Сын мой Фабр!

Так я стояла, удержанная за рукав,

И зов мой к небу прилип.

Молча ушла я, ибо пропало желание

Сыну в лицо посмотреть.

Ведущий.

И судья, обменявшись взглядом

С присяжными, объявляет:

Судья.

Суд признает: мать погибшего

Понимает войну.

Ведущий.

Присяжные обдумывают

Показания легионеров.

Молчание.

Судья.

Мать погибшего потрясена.

В дрожащей руке могут

Вздоргнуть весы. Необходим

Перерыв.

12

Рим - в последний раз.

Ведущий.

И снова

Ответчик садится, внимая

Беседе теней за дверью.

Еще раз

Ощущает он дуновенье

Того, верхнего

Мира.

Вторая тень.

Чего ж ты так бежал?

Первая тень.

Хотел узнать. Был слух: вербуют легионеров

В тавернах на Тибре для похода на Запад,

Который пора теперь завоевать.

Страна называется Галлией.

Вторая тень.

Никогда не слыхал о такой.

Первая тень.

Эти страны известны только большим людям

13

Допрос продолжается.

Ведущий.

И судья улыбается матери Фабра,

Вызывает опять испытуемого
И печально глядит на него.
Судья.
Время бежит. Ты даром его упускаешь.
Не гневи нас лучше твоими триумфами.
Нет ли свидетелей у тебя
Твоим каким-нибудь слабостям?
Дела твои плохи. Достоинства
Твои не очень полезны. Быть может,
Одна иль другая слабость твоя
Разорвет цепь насилий.
Вспомни, нет ли каких-нибудь слабостей
У тебя? Вот мой совет.
Ведущий.
И присяжный, что некогда пекарем был,
Вопрос задает:
Пекарь.
Я вижу повара, который держит рыбу,
На вид он весел. Повар,
Поведай, как ты попал в его триумф.
Повар.
Чтоб показать,
Что он в трудах военных
Все ж время находил подумать,
Как приготовить повкуснее рыбу.
Поваром был я. И часто

Я вспоминаю о мясе,
О дичи и курах,
Которых я жарил ему.
Но он не только ел их,
Хваля мою стряпню,
Он сам к плите становился,
Помешивая в горшках.
Баранина a la Lucullus
Прославила нашу кухню.
От Сирии и до Понта
Был повар известен Лукулла.
Ведущий.
Присяжный, некогда учитель,
Вставил слово свое:
Учитель.
А что нам за дело, что был он обжора?
Повар.
Он мне давал свободу
Постряпать всласть. За это
Ему я благодарен.
Пекарь.
Я понимаю его, я сам был пекарь,
Частенько отруби подмешивал я в тесто,
Чтоб хлеб дешевле был для бедняков.
А этот мог работать, как художник.
Повар.

Благодаря ему!
И он в своем триумфе
Меня поставил за королями.
Он оказал уважение моему искусству.
Это очень по-человечески.
Ведущий.
Присяжные обдумывают
Показания повара.
Молчание.
Присяжный, что некогда крестьянином был,
Вопрос задает:
Крестьянин.
Там на фризе кто-то несет
Плодовое дерево.
Раб с вишневым деревом.
Это вишня. Ее
Привезли мы из Азии, и
Пронесли ее в триумфальном шествии,
И посадили ее на склонах Апеннин.
Крестьянин.
Так это ты, Лакалл, привез нам вишню?
Я тоже посадил ее когда-то,
Но я не знал, что я тебе обязан.
Ведущий.
И, дружески улыбаясь,
Присяжный, который

Некогда крестьянином был,
Беседует с тенью, которая
Была полководцем,
О вишне.
Крестьянин.
Она не требует много земли.
Лукулл.
Но ветра она не любит.
Крестьянин.
Красные вишни мясистей.
Лукулл.
А черные - слаще.
Крестьянин.
Друзья мои, лишь это из всего,
Что завоевано войной проклятой,
Добром я называю. Ибо деревцо живет
И дружески протягивает ветви
Свои лозе и ягодным кустам.
И, вырастая с новым поколеньем,
Оно дарит ему плоды. За это
Хвала тому, кто нам его привез.
Когда добыча из обеих Азии
Давно истлеет, прахом станет,
Этот лучший твой трофей
Все будет жить, весною распускаясь
И белым цветом трепеща по склонам,

Живущим всем на радость.

14

Приговор.

Ведущий.

И вскочила мать Фабра, которая
Некогда торговала рыбой на рынке.

Торговка.

Стало; быть, вы нашли

Все же хоть грош

В кровавых руках? И суд

Разбойник подкупает добычей?

Учитель.

Вишневое дерево! Эту

Победу мог одержать ему

Один человек. А он

Восемьдесят тысяч послал сюда к нам!

Пекарь.

Сколько же им

Надо платить наверху

За стаканчик вина и хлебец пшеничный?

Куртизанка.

Что же, им вечно, чтобы с женщиной лечь,

Продавать свою шкуру на рынке? В ничто его!

Торговка.

Да, да, в ничто его!

Учитель.

Да, да, в ничто его!

Пекарь.

Да, да, в ничто его!

Ведущий.

И воззрились они на крестьянина,

Восславившего вишневое дерево.

Что ты скажешь, крестьянин?

Молчание.

Крестьянин.

Восемьдесят тысяч за одно вишневое дерево!

Да, да, в ничто его!

Судья.

Да, да, в ничто его! Потому что

При насильях и завоеваньях

Растет лишь одно царство:

Царство теней.

Присяжные.

И уже переполнен

Наш серый подземный мир

Недожитыми жизнями. А здесь ведь

Нет плугов для крепких рук и нет здесь

Голодных ртов, которых так много

У вас наверху! Что, кроме праха,

Можем насыпать мы

На восемьдесят тысяч забитых на бойне. А вам

Наверху нужны дома! Доколе

Мы будем с вами встречаться

На наших в никуда ведущих путях

И слышать ваши трепетные вопросы:

Как выглядит вечности лето, и осень,

И зима?

Ведущий.

И задвигались и закричали

Легионеры на фризе:

Легионеры.

Да, да, в ничто его!

Какая провинция возместит нам

Наши непрожитые годы?

Ведущий.

И задвигались и закричали

Рабы, несущие фриз:

Рабы.

Да, да, в ничто его!

Долго ли будут еще возвышаться

Он и ему подобные

Нелюди над людьми

И приказывать, подымая

Свои праздные руки,

И бросать в кровавые войны

Народы друг против друга?

Долго ли

Будем терпеть их мы и все наши?

Все.

Да, да, в ничто его! И в ничто

Всех подобных ему!

Ведущий.

И с высоких престолов встают

Защитники грядущих поколений,

У которых много рук, чтобы брать,

У которых много ртов, чтобы есть,

Ревностно жатву собирающих,

Любящих жизнь поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ К ОПЕРЕ "ПРИГОВОР ЛУКУЛЛУ"

{Перевод А. Голембы.}

Опера "Приговор Лукуллу" создана на основе радиопьесы "Допрос Лукулла". Первоначально пьеса кончалась словами:

Суд

Удаляется для совещания.

Этот конец был заменен сценой 14 ("Приговор"), заимствованной у оперы. Но название пьесы было сохранено ради большего отличия от оперы {Так как сцена 2, "Быстрый конец и возвращение будней", составляет в опере конец сцены 1, то сцена 8 радиопьесы ("Доставка фриза") соответствует новой 7-й сцене оперы (под тем же названием). В оперу не вошла сцена 12 радиопьесы ("Рим - в последний раз"). Первоначально заключительная сцена пьесы конец допроса - называлась "Плевелы и пшеница" (14); Брехт, как он указывает в начале "Примечаний", заменил ее финальной сценой оперы (12). - Э. Гауптман.}.

В оперу не вошел допрос каменных фигур фриза. Вместо них свидетелями выступают их тени. Вот новый вариант сцены (стр. 105).

Доставка фриза.

Рабы, несущие фриз.

Так из жизни прямо в смерть

Тащим ношу мы без колебаний.

Наше время уж давно не наше,

И не знали мы, куда идем.

Вот позвал нас новый голос,

И покорно мы на зов идем.

Ни к чему вопросы, если

Ничего нет позади,

Ничего не ждем мы впереди.

Лукулл.

Вы, присяжные, рассмотрите мой фриз.

Пленного короля Тиграна Понтийского.

Его чужеземную королеву.

Глядите, какие пышные бедра!

Вот человек с вишневым деревцом, у него вишня

во рту.

Вот две девы с доской, а на ней

названия пятидесяти трех городов.

Один легионер на ногах, а другой

Умирает, приветствуя своего полководца.

И повар с рыбой в руках.

Хор.

О, взгляните же, как они возводят памятник

самим себе,

С окаменевшими тенями канувших жертв,

Чтобы наверху говорить и наверху молчать.

Бессильные свидетели, повергнутые,

Бездыханные, онемевшие, забытые,

По наказу победителя выступившие на свет,

Равно согласные молчать и говорить.
Ведущий.
Тень, присяжные принимают к сведению
Фриз твоего триумфа. Но
Они жаждут узнать о твоих
Триумфах - больше, чем рассказывает твой фриз.
Они предлагают, чтобы были
Призваны те, которых ты изобразил
На своем фризе.
Судья.
Они должны быть призваны.
Ведь всегда
Победитель пишет историю побежденного.
Убийца
Преображает черты убитого.
Из этого мира
Уходит слабейший, и остается
Ложь. Нам здесь внизу
Не нужны твои камни. Ведь здесь у нас нынче
Столь многие из тех, что видали тебя,
Полководец. Здесь внизу они.
Мы призовем
Вместо изображений - самих
Изображенных. Вместо мертвых камней
Призовем мы тени усопших.
Лукулл.

Я протестую.

Я не хочу их видеть.

Голоса трех провозвестниц.

Жертвы полководца Лакалла

Времен азиатских походов!

Из глубины сцены выступают тени изображенных на триумфальном фризе и становятся против фриза.

Начало следующей сцены было соответственно изменено.

Допрос.

Ведущий.

Тень, поклонись.

Вот твои свидетели.

Лукулл.

Я протестую.

Ведущий.

Вот твои свидетели.

Лукулл.

Но ведь это враги!

Вот один, которого я победил.

В несколько дней...

После репетиции, проведенной министерством народного образования в Берлинском государственном оперном театре, на основании тщательного разбора было сделано два дополнения. Первое объясняет, почему король, который в опере выступает уже не только как каменное изваяние, но и как тень, сумел оправдаться перед судом, что не удастся Лукуллу (стр. 109).

Лукулл.

Да, Я, конечно, замечаю - разбитые

Обладают сладким голосом. Однако

Некогда было иначе. Этот король там,
Который нынче снискал ваше сострадание,
Когда он еще был наверху,
Обходился тоже недешево. Проценты и подати
Брал он не меньшие, чем я.
Серебро, которого он требовал,
Не доходило до народа из-за него.
Учитель (королю).
Почему же тогда
Ты здесь у нас, король?
Король.
Ибо я строил города.
Ибо я защищал их, когда вы,
Римляне, пытались их оттягать у нас.
Учитель.
Нет, не мы. Он!
Король.
Потому что, обороняя родную землю, я призвал
На ее защиту
Мужей, детей и женщин,
За изгородью и в сточной яме,
С топором, мотыгой я лемехом,
Денно и ночью,
В речи, в молчании,
Свободных или в плену,
В виду врага

И перед лицом смерти.

Учитель.

Я предлагаю, чтобы мы

Встали перед этим свидетелем

Во славу тех,

Что защищали свои города.

Присяжные встают.

Лукулл.

Что вы за римляне!

Вы готовы рукоплескать вашему врагу!

Я шел не ради себя.

Я подчинялся приказу.

Меня послал

Рим.

Учитель.

Рим! Рим! Рим!

Кто этот Рим?

Разве тебя послали каменщики, которые его
возводят?

Разве тебя послали пекари, и рыбаки,

И крестьяне, и погонщики волов,

И огородники, которые кормят Рим?

Были ли то портные, и скорняки,

И ткачи, и стригали овец,

Которые одевают Рим?

Разве тебя послали

Полировальщики колонн
И красильщики шерсти,
Которые его украшают?
Или тебя послали откупщики,
И фирмы, торгующие серебром, и работоторговцы,
Или тебя послали банкиры с Форума, которые
грабят Рим?
Молчание.
Лукулл.
Кто бы меня ни послал:
Пятьдесят три города
Подчинил я Риму.
Учитель.
Ну и где же они?
Присяжные, давайте спросим города.
Две девушки с доской.
С улицами, людьми и домами...

Второе дополнение - к концу последней сцены, там, где легионеры, павшие в азиатских походах, присоединяются к осуждению Лукулла (стр. 119).

Вместо:
Да, да, в ничто его!
Какая провинция возместит нам
Наши непрожитые годы? следует:
Легионеры.
Облаченные в разбойничье платье,
В походах убийцы и поджигателя,
Пали мы,

Сыны народа.

О да, в ничто его!

Как волк,

Который врывается в овчарню

И должен быть умерщвлен,

Так мы были умерщвлены,

Мы, служившие ему.

О да, в ничто его!

Ах, лучше бы мы

Отказались служить захватчику!

Ах, лучше бы мы

Примкнули к защитникам!

В ничто его!

Кроме того, добавление трех новых арий ("Призыв к защите", "Кто есть Рим", "Песнь павших легионеров") должно было устранить известную диспропорцию, вызванную тем, что в партитуре выступлениям суда было отведено меньше места, чем выступлениям подсудимого {Была также введена новая ария куртизанки в сцене 8 оперы. - Э. Гауптман.}.

Брехт. Дессау.

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Auibau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

ДОПРОС ЛУКУЛЛА

(Das Verhor des Lukullus)

На русский язык пьеса была переведена Вл. Нейштадтом и впервые напечатана в однотомнике пьес Брехта (М., "Искусство", 1956).

Радиопьеса "Допрос Лукулла", написанная Брехтом в 1939 г., была опубликована первоначально на английском языке в 1943 г. Позднее, в 1951 г., Брехт несколько расширил ее и превратил в либретто оперы "Приговор Лукуллу", музыку которой написал Пауль

Дессау. Первоначальный вариант был создан под влиянием политических событий в Европе - нападение немецко-фашистских войск на Польшу. Окончательный текст оперы более обобщен - он осуждает всякую военщину и тиранаю. Музыка Дессау способствует более рельефному выявлению мысли драматурга; оркестр включает увеличенное число ударных инструментов и специально перестроенные рояли. Произведение Дессау - Брехта, по оценке критиков, не только опера, но еще и оратория, и музыкальная драма.

Первое представление, точнее, репетиция, состоявшаяся в марте 1951 г. в Берлине, в театре "Дойче штатсопер", имела успех у зрителей, но сопровождалась критикой в некоторых газетах. Эта критика, характерная для тех лет, была резкой и демагогичной. В "Нойес Дойчланд" от 22 марта 1951 г. некий Л. Г. писал в статье "Допрос Лукулла" - неудачный эксперимент в театре "Дойче штатсопер", что произведению Брехта свойственны пораженческие настроения: лагерь борцов за мир достаточно могуч, чтобы самостоятельно расправиться с агрессорами, не нуждаясь в помощи загробных трибуналов (!). Музыка рассматривалась как набор формалистических трюков, как подражание рассудочным построениям Стравинского. Но здравый смысл вскоре одолел предрассудки, и уже 13 октября того же года опера Дессау - Брехта была исполнена в Берлине. Режиссер - Вольф Фолькер, художник - Каспар Неер, дирижер Герман Шерхен. В ролях: Лукулла - Альфред Хюльгерт, торговки рыбой Карола Герлих, старухи - Гертрауд Пренцлоу. Зрители горячо приняли спектакль, и печать в целом одобрила его.

После долгого перерыва опера Дессау - Брехта была поставлена в Лейпциге в марте 1957 г. Режиссер - Генрих Фойгт, художник - Пауль Пиловски. Этот спектакль был с успехом показан в Париже на сцене "Театра наций", а также в Берлине на театральном фестивале.

В ФРГ первая постановка состоялась в январе 1952 г. во Франкфурте-на-Майне. Дирижер - Герман Шерхен, художник - Гайнер Гилль. Декорации, изображавшие загробный мир, были установлены на фоне фрески П. Пикассо "Герника". Роль Лукулла с блеском - по отзывам рецензентов исполнял Гельмут Мельхерт. В ноябре 1958 г. опера была своеобразно, с использованием кинопроекций и всевозможных зрелищных эффектов, поставлена в г. Вуппертале. Режиссер - Георг Рейнгард, художник - Генрих Вендель. В роли Лукулла - Микко Пломмер.

Всего в ГДР с 1951 по 1962 г. опера Дессау-Брехта прошла в двенадцати театрах.

Одним из спектаклей, оказавшихся событием в культурной жизни Германии, надо назвать постановку "Дойчес Национальтеатер" (Веймар), январь 1959 г. Режиссер - Эрнст Кранц, художники - Иохен Шубе и Карл Цопп (костюмы), дирижер - Гергард Пфлюгер. В ролях: Лукулла - Аугуст Шмидт, судьи - Рольф Кюне, короля - Ганс Герберт Шульц, глашатая - Вильфрид Линднер.

Стр. 91. Лукулл Луций Лициний (ок. 177 - ок. 57 до н. э.) - римский полководец, крупный рабовладелец, консул в 74 г. до н. э. В 71 г. до н. э. в войне с Митридатом VI захватил Малую Азию. Отличался богатством и обжорством (ср. выражение "Лукуллов пир").

Стр. 93. ...обе Азии - Ближняя и Средняя Азия.

Стр. 94. Помпей Гней (106-48 до н. э.) - римский полководец и политический деятель, современник Лукулла. Был консулом в 70 г. до н. э. за четыре года до Лукулла. Боролся с

Цезарем за единоличную власть.

Стр. 95. Каппадокия - страна, расположенная в древности в Малой Азии, на восток от Армении.

Стр. 97. Понт - Понтийское царство, государство в северо-восточной части Малой Азии, на юго-восточном побережье Понта Эвксинского (Черного моря). В 64 г. до н. э. эти территории были включены в состав Римской империи.

...три Галлии - то есть три части Трансальпийской Галлии, древней страны, на территории которой ныне расположены Франция, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария.

Аппиева дорога - дорога, соединяющая Рим и Капую.

Е. Эткинд